

Концепция субъективности Л. Витгенштейна как фундаментальная онтология

Павлов Илья, факультет философии НИУ ВШЭ

Как правило, проект фундаментальной онтологии М. Хайдеггера получает одну из двух противоположных оценок. Часть философов считает Хайдеггера одним из величайших или величайшим мыслителем в истории европейской философии – и такие мыслители, как правило, требуют внимательного историко-философского изучения трудов самого Хайдеггера и продолжения той онтологической деструкции, которой Хайдеггер подверг традицию европейской метафизики. Они говорят о важности восприятия мысли Хайдеггера целиком. Другие же интеллектуалы с осторожностью или явным отторжением относятся к мысли Хайдеггера – и они также, как правило, отторгают его идеи целиком.

Я в своем докладе предложу другой способ работы с философией Хайдеггера. Признавая его неоспоримые заслуги в деле феноменологического преодоления новоевропейской концепции субъективности через трактовку *Dasein* как бытия-в-мире, мы не обязаны принимать те мировоззренческие следствия, которые на этой философской почве предлагает нам Хайдеггер.

На мой взгляд, философия субъективности Л. Витгенштейна, которая наиболее отчетливо проговаривается в «Логико-философском трактате», феноменологически и метафизически близка концепции *Dasein*, предложенной Хайдеггером. И если слова Витгенштейна о субъекте трудно поддаются интерпретации – наиболее сложно понять, в каких отношениях субъект, находящийся на границе мира, соотносится с миром фактов (ЛФТ) и практик и языковых игр (ФИ), в которых мы живем, – то концептуальный язык Хайдеггера позволяет предложить более отчетливую интерпретирующую реконструкцию мысли Витгенштейна.

В этом случае идеи Витгенштейна о соотношении субъекта, практик/фактов и мира в целом, могут быть поняты как фундаментальная онтология, мировоззренческие выводы которой отличаются от философии Хайдеггера. На основании «Логико-философского трактата», «Лекции об этике», «Философских исследований» и – возможно, в первую очередь, – философии культуры, предложенной в заметках «Культура и ценность» можно обнаружить основополагающие черты фундаментальной онтологии Витгенштейна.

Тезис о том, что Хайдеггер понимает Бытие антропологически (как бытие человека), разумеется, противоречит букве «Бытия и времени», однако в целом верен, что наиболее отчетливо видно в сопоставлении его фундаментальной онтологии с

витгенштейнианской. Для Хайдеггера подлинное раскрытие истины Бытия для Dasein возможно благодаря экзистенциалу будущего (бытие-впереди-себя), равноисходному прошлому (бытие-в-мире) и настоящему (бытие-при-мире). Лишь свободно и подлинно выбирая себя в будущем перед возможностью смерти, Dasein приближается к подлинному раскрытию истины Бытия, которое неподлинно всегда при разговоре и вопросе о нем, и обретает свободу.

Для Витгенштейна же мир не только феноменологически, но и экзистенциально и этически первичен субъекту. Субъект как глаз, смотрящий на мир, не видит себя, но заключает о своем существовании лишь в осознании себя как границы мира в целом. Воля также существует на границе мира в целом и связана с возрастанием/убыванием мира как целого, а не с важнейшей для Хайдеггера экзистенциальной ситуацией выбора.

Напротив, для Витгенштейна метафизическая свобода прямо противоречит свободе выбора. Отождествляя в ЛФТ волю с метафизической свободой, Витгенштейн даже говорит, что факты как то или это не зависят от моей воли; свершившийся факт – подарок судьбы. Процедура выбора не может стать основанием и этического действия. В «Культуре и ценности» Витгенштейн вводит и экзистенциальную тематику и говорит, что, например, лично он (как представитель еврейской культуры) не выбирает себя, не выбирает свою деятельность, но приспосабливается к ситуативным условиям, не теряя при этом свою предельную свободу, но, напротив, обретая ее.

Для Витгенштейна метафизические свобода и воля выносятся из мира выбора и конкретных действий – но в то же время воля (особенно в «Философских исследованиях») непосредственно проявляется и в мире. Однако благодаря тому, что и в эпистемологических процедурах, и в экзистировании в соответствии с культурой и природным характером воля «следует правилу», не ищет основания для осуществления своей решимости, проявление воли в мире не требует от активного и произвольного выбора, который подчинил бы активность воли гетерономии. Следование правилу и духовная мимикрия не становятся гетерономией, поскольку в них воля и не думает искать своей свободы, не обманывается ими, считая их подвластными себе на основании рассудительного выбора, но, как и факты в онтологии «Логико-философского трактата», рассматривает их как дары судьбы, как проявленность реальности мира. В этом приятии дара, а не в конформизме, и проявляется метафизическая чистота воли – воли, в то же время не покидающей мир.

Примечательно, что такое противопоставление чистой воли («чистого практического разума») и всегда обоснованного какими-либо внешними критериями выбора (в то же время вбираемых актом воления в волю, чем воля и подчиняется

критериям, считая их опорой для своей рассудительности) приближает метафизику Витгенштейна концепциям Канта, Лейбница, христианской теологии (особенно – теории волевого акта Максима Исповедника). Таким образом, тот тип мировоззрения, который можно обнаружить у Витгенштейна, обретает интеллектуальную поддержку от классических аргументов, предложенных ранними авторами. С другой стороны, фундаментальная онтология Витгенштейна, рассматривающая, как «чистый субъект» живет в мире фактов, практик и языковых игр, открывает перспективы для современного прочтения классического метафизического мировоззрения. Философская классика предстает вовсе не такой, какой ее видят Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Ж.-Л. Марион и другие критики новоевропейской метафизики субъективности, но, напротив, более близкой к позитивным прозрениям современной философии.